

Хачетлова Сусанна Мухамедовна

ИНСТИТУТ КРОВНОЙ МЕСТИ У АДЫГОВ В XVIII-XIX ВВ.: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ

Проблемы традиционных общественных институтов занимают видное место в исторической науке. Описание законов и обычаев способствует более детальному восстановлению традиционной истории горских народов, закономерностей развития Северного Кавказа. В этой связи автор проанализировала институт кровной мести у адыгов, бытовавший на протяжении длительного времени. На конкретном историческом материале рассмотрены обычай кровной мести в XVIII-XIX вв. и проблема его трансформации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/59.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 200-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 392.77

Исторические науки и археология

Проблемы традиционных общественных институтов занимают видное место в исторической науке. Описание законов и обычаев способствует более детальному восстановлению традиционной истории горских народов, закономерностей развития Северного Кавказа. В этой связи автор проанализировала институт кровной мести у адыгов, бытовавший на протяжении длительного времени. На конкретном историческом материале рассмотрены обычаи кровной мести в XVIII-XIX вв. и проблема его трансформации.

Ключевые слова и фразы: адыги (кабардинцы, черкесы, адыгейцы); кровная месть; акт возмездия; кровомщение; «юридические» пословицы; примирение кровников; плата за кровь; «цена крови».

Хачетлова Сусанна Мухамедовна, к.и.н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

ha4etlova@yandex.ru

ИНСТИТУТ КРОВНОЙ МЕСТИ У АДЫГОВ В XVIII-XIX ВВ.: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ®

Институт кровной мести не вписывается в современные рамки общества. Существование данного института было характерно для родового и феодального общества. Сегодня государство берёт на себя функции института кровной мести. Однако факт существования кровной мести на Кавказе нельзя отрицать, единичные случаи наблюдаются и сегодня. В связи с этим представляет интерес рассмотрение трансформации института кровной мести, функции которого фактически утратили своё значение.

Одним из традиционных общественных институтов горцев, в том числе и адыгов, являлся институт кровной мести, уходящий своими корнями к родовому строю. Адыги говорили: «Ничто так долго не сохнет, как кровь»; «У крови крепкая память».

Кровная месть возникла как мера сохранения, как эффективная форма самообороны. Члены рода обязаны были оказывать друг другу помощь и защиту. Едва ли имелись роды, которые не были бы вовлечены в кровную месть, а многие из них и вовсе потонули в кровавой пучине междоусобной распри.

Такие формы искусственного родства, как усыновление, побратимство и аталычество, автоматически переносили комплекс родовых обязательств на всех участников данных отношений, в том числе и обычаи кровной мести. Если в семье не оставалось ни одного мужчины, способного отомстить за кровь, то обет принимали на себя друзья, и кровопролитие продолжалось с прежней жестокостью.

В доправовом обществе «индивид не выступает как нечто обособленное внутри себя, а является членом своей семьи, своего рода. Поэтому характер действия, судьбы семьи остаются собственным долгом каждого ее члена, и каждый отдельный человек не только не отрекается от деяний и судьбы своих предков, но и добровольно отстаивает их как свои собственные», – писал Гегель [4, с. 84].

Многие исследователи отмечали, что месть выполняла функции защиты от произвола и имела своеобразный сдерживающий фактор. Каждый человек, прежде чем совершить тот или иной поступок, задевающий достоинство, должен был подумать о его последствиях. Месть – это не просто убийство, это был акт возмездия. И таким образом, кровомщение – институт, который способствовал самосохранению общины. К. Х. Унежев, ведущий специалист в области традиционных институтов адыгов, также придерживается этого мнения, отмечая, что «институт кровной мести выступал как важный сдерживающий фактор при различных экстремальных ситуациях, в которых оказывались люди. Функции этого института во многом были очень существенными у адыгов, если учесть, что у них не было многие столетия государственных правоохранительных органов» [10, с. 118].

Очень ярко представлен институт кровной мести в фольклоре. Речь идет о бесчисленных пословицах, преданиях, и особенно нартском эпосе. Фольклорный материал хорошо высвечивает обычаи кровной мести. Имеется богатейший фонд так называемых «юридических» пословиц: «Не будь согласия, убийствам конца бы не было»; «Как повелось, то и закон»; «Плата за кровь и калым за дочь не сделают состояние».

В классической форме кровная месть выступает в Батазаровском цикле нартского эпоса, где сын жестоко отомстил Нартам за смерть отца. Ярчайшим примером является сюжет о юном кровомстителе – центральный в цикле нарта Ашамаза.

Старинный обычай примирения кровников описан и в «Сказаниях о братьях Ешанокowych». Братья Кефишевы, оскорбив мать Ешанокowych, стали кровными врагами последних. Желая избавиться от угрожающей им опасности, они прибегли к народному кабардинскому средству; в отсутствии братьев они явились к ним в дом и бросились к старушке матери, стали по очереди прикасаться к ее груди, говоря при этом: «Мы уже такие же твои сыновья, как и Уозырмес, и Темиркан; теперь они нам мстить не могут!». На что старушка ответила: «Будьте покойны, мои дети, поезжайте домой» [11, с. 186].

В качестве спасительной меры убийца мог воспользоваться данным обычаем. Если ему удавалось добиться прощения, то кровная месть на этом могла прекратиться, и более того, он считался уже усыновленным матерью убитого и занимал место убитого сына.

Черкесская легенда о «Атвонукке и Камбулате» также свидетельствует о примирении кровников посредством женщины. Кровник Камбулат, убивший сына Жанеевского князя, преследуемый врагами, оказался в кунацкой этого самого князя. «Как только княгиня перешагнула порог кунацкой, Камбулат бросился к ней. “Будь моею восприимною матерью!” – проговорил он, дотронувшись до ее груди. Перед княгиней стоял убийца ее родного и единственного сына. Как не велик был гнев княгини на убийцу сына, но преступить строгие и священные законы не в характере черкеса» [5, с. 32]. Следуя народному обычаю, княгиня взяла Камбулата под свою защиту.

В кровной мести женщине отводилось одно из главных мест, хотя непосредственным участником она не выступала. Она играла активную роль в междоусобных расправах – в одних случаях водворяя мир, в других – разжигая месть. По этому поводу М. О. Косвен писал, что «женщины являются самыми деятельными подстрекательницами к мести. Жены отказывают в ложе мужьям, пока те не исполнят своего долга, матери стыдят сыновей» [8, с. 89].

Вот какой пример приводит Б. Х. Бгажноков: «женщина могла приостановить любые действия мужчин, стоило ей сказать – “Платок женский уважения не заслуживает разве” и прикоснуться правой рукой к платку на голове» [2, с. 53]. Таким образом, жена князя Таусултанова принудила своих сыновей отказаться от твердого намерения убить мужчину, как впоследствии оказалось, ложно обвиняемого в убийстве их старшего брата. К тому же приему могла прибегнуть женщина, когда необходимо было пристыдить мужчин.

Жена убитого адыга растила ребенка с «огнем мести в сердце». Обычно такому ребенку, родившемуся после убитого отца, давали имя Ахмен, что значит кровоместник. Несчастная вдова утешала себя тем, что ее сын оправдает свое имя. Также мать убитого сына требовала мщения со стороны своих детей мужского пола. Тому пример – «Песнь о Якубе и Жамботе Кушховых». От руки князя Тохтамышева погиб старший брат Жамбот. Младший брат смог отомстить за смерть брата. Мать, узнав о том, как погиб ее младший сын, пустилась в пляс под звуки гармонии [6, с. 437].

С зарождением феодальной государственности институт кровной мести постепенно начинает приобретать классовые черты. С дальнейшими переменами в социально-экономической жизни народа институт видоизменяется и приспосабливается к новым условиям. Круг лиц, непосредственно осуществлявших кровную месть, и круг лиц, подвергшихся ей, сужается. Обычай кровной мести в XIX веке вытесняется различными формами платы за кровь и примирения. Тем не менее, кровная месть продолжала сохраняться и осуществлялась убийством самого человека, который совершил преступление.

Согласно сведениям Л. Я. Люлье: «...по господствующим у горцев понятиям, преступность определяется не по качеству морального побуждения, а по количеству наносимого ущерба. Поэтому и самое наказание ограничивается вознаграждением вещественным, основанном на простой сделке» [9, с. 48]. Также Л. Я. Люлье подчеркивает следующее обстоятельство: «горцы хотя и знали цену монеты, но денег в обращении у них вообще не было. Поэтому уголовные пени определялись и уплачивались по расчету общепринятых издревле определением стоимости ...сха, цю, тооп» [Там же, с. 49]. Наиболее отчетливо классовый принцип в определении стоимости сха проявлялся при плате за убийство представителя адыгской аристократии. Система уплаты уголовной пени, данная Л. Я. Люлье, детально была исследована В. К. Гардановым. «Если перевести “цену крови” адыгского князя со сха на цю, то она колебалась в пределах от 6 тыс. до 8 тыс. быков (100 сха). Тогда как “цена крови” простого свободного адыга 160 быков (20 сха)» [3, с. 233].

Приведенные данные показывают, что феодальная знать в XVIII веке и первой половине XIX века пользовалась огромным преимуществом при получении «цены крови». Но надо отметить следующее: убийство князя было редчайшим явлением, прежде всего оттого, что плата за кровь убитого князя не взималась. Лишь в отдельных случаях, когда убийца был одного социального положения с убитым, кровная месть могла быть заменена композиционными выплатами. Стать виновником гибели князя гораздо страшнее, чем погибнуть самому. Лицо, покушавшееся на жизнь князя, истреблялось вместе со своими родными.

В конце XVIII века, когда Россия приступает к завоеванию территории Северного Кавказа, институт кровной мести претерпевает кризис. По мнению В. Х. Кажарова: «Первый этап кризиса института кровной мести связан с учреждением “родовых судов и расправ” в 1793 году. На основе адата они разбирали гражданские дела и мелкие уголовные преступления. Убийства и другие крупные уголовные преступления разбирались по законам Российской империи в Верхнем пограничном суде. Столь грубое вмешательство во внутреннюю жизнь и административно-судебное устройство Кабарды вызвало в ней мощное антиколониальное движение, которое привело к отмене “родовых судов и расправ” в 1807 г. и учреждению мехкеме (“духовных судов”). С этого времени начинается второй этап кризиса института кровной мести». Учреждение Ермоловым Кабардинского временного суда в 1822 г. – это третий этап кризиса института «кровной мести» [7, с. 417-425].

Кабардинский временный суд претерпевал ряд изменений и дополнений, которые вносили командовавшие в Кабарде царские генералы. Таким образом, как писал В. К. Гарданов: «Кабардинский временный суд, как правило, придерживался древних кабардинских обычаев и обрядов, приспособляя оные к правам российским». Кроме адата Кабардинский временный суд при решении дел руководствовался иногда и нормами мусульманского права – шариата. Четкого разграничения дел, подлежащих разбирательству по адату или шариату, не было, хотя предпочтение оказывалось адату. Уголовные преступления, касавшиеся убийства, ранения при ссорах, если эти дела носили частный характер, то «они были нередко предметом рассматривания в Кабардинском временном суде» [3, с. 227]. В пореформенный период в Кабарде спорящим сторонам разрешалось выбирать, какими нормами закона (адатом, шариатом или Российским законодательством) разбирать их спор.

Таким образом, начавшийся в XVIII веке кризис института кровной мести завершился в начале XX века. Кровная месть постепенно превратилась в плату за кровь. «В Кабарде в конце XVIII – начале XIX в. утверждается русская денежная система, которая унифицирует громоздкую устаревшую шкалу возмещений за убийства и другие уголовные преступления. В качестве платежной единицы за кровь становится русский рубль серебром», – пишет В. Х. Кажаров [7, с. 409].

По данным архивных материалов: «Шариатское разбирательство, при котором на основании обрядов, по обоюдному согласию обеих сторон, вольный кабардинец Вармахов за убийство узденя Шогенова, наследникам уплатил – 800 рублей серебром к 12 числу февраля» [13, д. 29, л. 50].

Подобные дела в суде рассматривались особенно тщательно, чтобы стороны не вели себя агрессивно по отношению друг к другу. За нарушение обстоятельств устанавливался штраф, и суд брал у участников конфликта расписки с обязательством не мстить.

В связи с этим представляет интерес рассмотрение дела об убийстве князя Хатажуки Наурузова прапорщиком князем Бекмурзой Докшукиным. Во время судебного разбирательства малолетний Хамурза Наурузов пытался совершить покушение на убийцу отца, за что был взят под стражу. Во избежание несчастных случаев, все лица мужского пола дают поручительство не мстить Докшукину и его родственникам. За невыполнение взыскания с виновных штраф – 1500 рублей серебром [Там же, д. 87].

В данный период учащаются случаи убийств между крепостными крестьянами и представителями господствующего класса. Тому пример – дело об убийстве на свадьбе Шебзухова князем Атажуко Казиевым. Старший брат Шебзухова подал прошение в суд, но дело было закрыто. Не находя других способов удовлетворения, Шебзухов пытался отомстить за кровь брата и ранил князя Казиева. За это суд назначил штраф 500 рублей серебром и выселение семьи из Кабарды [Там же, д. 104].

Вот дело об убийстве узденя Думанова его холопом Хуже Машоковым. Холоп убил узденя за насилие, совершенное над женой. Хуже был освобожден от наказания. Его семья из 6 человек была продана, вырученные деньги переданы родственникам Думанова [Там же, д. 211].

Данные архивных документов содержат подробное описание кровной платы (угощения и подарки для примирения) и правила поведения кровников.

В связи с этим вызывает интерес дело об убийстве Мурзаканова Кумыковым, которое закончилось по обоюдному согласию обеих сторон «примирением с уплатой: во время Георгиевско-Покровской ярмарки 150 рублей, остальных 350 рублей – в течение 4 лет, при уплате последних 50 рублей устроить обычное примирительное угощение: из 2-х пудов медовой бузы, 1-го барана, 20 азиатских столиков кушанья и пригласить Мурзакановых, до примирения в селе не проживать, а на дороге место уступать. Если Мурзакановы будут преследовать виновных штраф – 100 рублей до следующего по закону наказания» [12, д. 2922, л. 39].

Существовал особый этикет поведения кровников. Так, И. Бабич описывает подобные правила: «После совершения виновный вместе со своей семьей должен был переселиться в другое селение..., и семья виновного должна была избегать встреч с семьей потерпевшего. При случайной встрече семья виновного обязана была давать дорогу семье потерпевшего. Члены семьи виновного не имели права появляться в тех увеселительных местах, где они могли встретиться с семьей потерпевшего» [1, с. 108].

Вот характерный пример, взятый из архива: дело по обвинению Абазовой, жительницы с. Куденетова-1, в нанесении побоев односельчанину Назранову (ссора произошла из-за кровной вражды). Старуха Абазова стала избивать старика, который убил ее сына, в суде так объяснила свой поступок: «...по шариату Назранов должен был избегать встречи с Абазовыми, но старик не сделал» [12, д. 2795, л. 3].

Таким образом, институт кровной мести, который сохранился со времен родового строя, постепенно трансформировался. В феодальную эпоху месть из общеродового института становится делом семейным, распространяется возмещение крови выкупом. «Жажда мщения гасилась» платой, размер которой зависел от сословной принадлежности. В дальнейшем обычай кровной мести сводился к материальной компенсации, в которой были заинтересованы обе стороны. Сегодня у адыгов институт кровной мести практически исчез, он потерял своё былое значение и не вписывается в рамки Российского законодательства.

Список литературы

1. Бабич И. Л. Месть в пореформенный период в адыгском обществе // Обычное право в России. Проблемы теории, истории и практики / под ред. Г. В. Мальцева, Д. Ю. Шапсугова. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. С. 105-124.
2. Бгажников Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
3. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. XVIII – первая половина XIX вв. М.: Наука, 1967. 331 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
5. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Нальчик: Кабард.-Балкар. отд-ние Всерос. фонда культуры, 1991. 415 с.
6. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. 2-е изд., доп. Нальчик: Эль-фа, 2000. 649 с.
7. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994. 440 с.
8. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 263 с.
9. Люлье Л. Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. Киев: УО МШК МАДПР, 1991. 56 с.
10. Унежев Т. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик: Эль-фа, 1997. 228 с.
11. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. / сост. А. И. Алиева, общ. ред. А. М. Гугова. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 22. Оп. 1.
13. ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1.

INSTITUTION OF BLOOD FEUD WITH THE ADYGHE PEOPLE IN THE XVIII-XIX CENTURIES: PROBLEM OF TRANSFORMATION

Khachetlova Susanna Mukhamedovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
ha4etlova@yandex.ru

The problems of traditional social institutions take an important place in historical science. The description of laws and customs promotes the more detailed reconstruction of the traditional history of highland peoples, the regularities of the development of the North Caucasus. In this connection the author analyzes the institution of blood feud with the Adyghe people, which existed for a long period. By concrete historical material the paper examines the practice of blood feud in the XVIII-XIX centuries and the problem of its transformation.

Key words and phrases: the Adyghe people (Kabardinians, Circassians, Adygeis); blood feud; act of retaliation; “juridical” proverbs; reconciliation of mortal enemies; payment for blood; “price of blood”.

УДК 930; 316.62

Исторические науки и археология

Дается краткий обзор способов и методов, практиковавшихся партийно-государственным аппаратом для решения «женского вопроса» в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах. Особое внимание уделяется политике ликвидации безграмотности в отношении женщин села и национальных окраин. Установлены целенаправленный характер партийной политики в отношении женщин, ее относительная гибкость. Отмечено последовательное участие комсомола в проведении этой политики.

Ключевые слова и фразы: женский вопрос; новая женщина; комсомол; политика большевиков; борьба с неграмотностью; слом традиций; Северо-Кавказский край.

Шитова Анастасия Александровна

Тамбовский государственный технический университет
anastasiya353@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-Е ГОДЫ[©]

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века».

Первые десятилетия существования советской власти были связаны с решением множества важных задач, вызванных коренной перестройкой социального механизма общества. Одной из важнейших стала задача формирования «нового элемента» такого механизма – «нового человека». В идеологической основе нового общества гендерные различия рассматривались как отражение классовых различий, и, соответственно, закономерным являлся вывод о необходимости освобождения женщины от социальной и экономической зависимости от мужчин. Поэтому новая власть уже в первые десятилетия своего существования использовала все доступные средства для предоставления женщине свободы в обществе, уничтожения различных, исторически сложившихся барьеров и психологических стереотипов («Бабе дорога – от печи до порога» [6, с. 3]).

Новая женщина, особенно – молодая, должна была качественно отличаться от своих предшественниц: центром ее активности становилась общественная жизнь. Решение этой задачи подразумевало участие женщин в различных организациях, соответственно, в партии и комсомоле, изменение подхода к такому участию: «По отношению к комсомолкам в нашем Союзе царило очень часто мнение: “курица не птица, баба – не человек”. Девушки не привлекались к активной работе. Не было товарищеского отношения к ним. Этому должен быть положен конец» [18, с. 28].

Отсутствие активности женщин и девушек связано с тем, что многие из них просто не находили нужным участвовать в общественной и политической жизни государства. Традиционные представления о женщине – домашней хозяйке и воспитателе малолетних детей являлись господствующими. Так, в 1926 году одна из самых активных представительниц новой власти, А. Коллонтай, писала о женщинах России в целом: «...Женщины получили все права, но на практике они все еще живут под старым игом» [Цит. по: 11, с. 178-179].

Для Северо-Кавказского края такое поведение женщин было еще более типичным в связи с преобладанием сельского населения и наличием крепких казачьих и национальных традиций. В 1923 г. в журнале «Спутник парработника» давалась такая характеристика текущей ситуации и рекомендации по разрешению возникающих проблем: «Область работ среди широких масс женщин – еще непочатый угол. Из-за отсутствия достаточного кадра коммунисток. Необходимо, чтобы делегатки ближе подошли к ячейке, непосредственно соприкоснулись с ее работой и в процессе этой работы могли бы обрабатываться в требуемом нам направлении. Обязательно ввести посещение занятий общественно-политических кружков» [Цит. по: 8].